

А. Н. АНЦЫФЕРОВЪ.

Рецензія на сочиненіе М. В. Рклицкаго: „Землевладѣніе въ Полтавской губерніи“ Полтава 1908 г. (138+31 стр.).—представленное на соисканіе преміи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

Сочиненіе г. Рклицкаго, представляющее собою вводную статью въ „Статистическій ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства на 1908 годъ“, изданную въ видѣ отдѣльнаго оттиска, ставитъ своей задачей „дать, съ одной стороны, возможно полную картину землевладѣнія въ губерніи и обрисовать происходящіе въ немъ процессы и измѣненія, съ другой стороны,—выяснить хозяйственно-экономическую сторону землевладѣнія, т. е. прослѣдить степень земельного обезпеченія населенія въ связи съ обычными потребительными нормами“. Второй части своей задачѣ авторъ отводитъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто, посвящая разсмотрѣнію поставленнаго имъ сложнаго вопроса всего 7 страничекъ въ заключительной пятой главѣ (стр. 131—138).

Объ этой главѣ я еще буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ. Теперь же, слѣдуя за классификаціей автора, остановлюсь сначала на первой части поставленной имъ себѣ задачи.

Главнымъ источникомъ служатъ автору данныя земской подворной переписи Полтавской губерніи 1900 года; но, поставивъ своей задачей дать возможно полную картину землевладѣнія, онъ привлекаетъ на помощь цѣлый рядъ другихъ источниковъ и пособій, въ томъ числѣ „Статистику землевладѣнія 1905 года“, изданную Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Этотъ послѣдній источникъ, имѣющій, по признанію самого автора, лишь субсидіарное значеніе, показываетъ однако на него столь сильное вліяніе, что авторъ въ распредѣленіи своего матеріала почти буквально слѣдуетъ за официальнымъ изданіемъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что такое послушное слѣдованіе за официальнымъ источникомъ, до извѣстной степени, понижаетъ внутреннія достоинства работы. Если бы авторъ проявилъ болѣшую самостоятельность въ конструированіи плана своего труда, ему, вѣроятно, удалось бы избѣжать нѣкоторыхъ излишнихъ повтореній и достигнуть болѣшей стройности и выпуклости въ изложеніи фактовъ.

Первая часть сочиненія дѣлится, такимъ образомъ, на 4 главы:

1. Земельная площадь и угодья (стр. 1—33).
2. Земельная собственность (стр. 33—70).

3. Характеристика землевладѣнія сельскихъ сословій по владѣнію пахотной земли (стр. 70—88).

4. Мобилизація земельной собственности (88—131).

Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ данныя объ абсолютной величинѣ земельной площади по уѣздамъ Полтавской губерніи и даетъ характеристику измѣненій, происшедшихъ въ распредѣленіи угодій вообще и между отдѣльными сословными группами за 40-лѣтній періодъ 1860—1900 годовъ, привлекая для сравненія данныя межеванія и двухъ земскихъ переписей. Разсматривая измѣненія въ составѣ угодій за послѣдній 15-ти-лѣтній періодъ, протекшій между двумя земскими переписями (1882—86 и 1900 г.), авторъ приходитъ къ интересному выводу, что ходячее представленіе о массовомъ превращеніи сѣнокосовъ и лѣсныхъ угодій въ пахотныя земли не только не оправдывается по отношенію къ Полтавской губерніи, но, наоборотъ, замѣчается расширеніе площади сѣнокосовъ, превращеніе многихъ болотныхъ сѣнокосовъ въ культурныя кормовыя угодья и даже увеличеніе лѣсной площади по всѣмъ уѣздамъ, кромѣ Зѣньковского и Полтавскаго.

Правда, въ виду крупныхъ недостатковъ матеріала, заключающихся, главнымъ образомъ, въ неполнотѣ регистраціи и неточной, расплывчатой классификаціи признаковъ, не допускающей полнаго и точнаго сравненія данныхъ двухъ переписей, невозможно установить ни размѣровъ, ни интенсивности указанныхъ измѣненій. Совершенно правъ поэтому авторъ, обставляя свои выводы цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Тѣмъ не менѣе подчеркнутая авторомъ основная тенденція имѣетъ серьезный интересъ и, вѣроятно, дастъ толчокъ къ болѣе детальному, специальному изслѣдованію этого важнаго хозяйственнаго явленія.

Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ: распредѣленіе земельной собственности по сословіямъ, формы землевладѣнія—частное, подворное, общинное и общее владѣніе, степени относительной распространенности мелкаго, средняго и крупнаго землевладѣнія или то, что авторъ почему-то называетъ „экономической структурой землевладѣнія“. Неполнота и неточность статистическаго матеріала земскихъ переписей заставляютъ автора и здѣсь привлекать на помощь другіе источники данныхъ и прибѣгать иногда къ косвеннымъ способамъ вычисленія абсолютныхъ величинъ. Такъ, по даннымъ окладныхъ книгъ недостаетъ 119 тысячъ десятинъ по сравненію съ площадью, установленною межеваніемъ; земская перепись 1900 года даетъ на 728 тысячъ десятинъ меньше, чѣмъ межеваніе, и на 608 тысячъ десятинъ меньше, чѣмъ окладныя книги (такимъ образомъ, т. е. земскіе статистики, въ предѣлахъ одной губерніи, сумѣли просмотрѣть площадь, равную почти 2 съ половиною уѣздамъ средней величины¹⁾); переписью зарегистрировано 8719 владѣній приви-

¹⁾ По межевымъ даннымъ средняя площадь уѣзда Полтавской губерніи равна 130 тысячамъ десятинъ.

легированных сословій, а окладныя книги насчитываютъ ихъ 12430 и т. д. Интересно отмѣтить, что при производствѣ переписей 80-хъ годовъ данныхъ о количествѣ общинныхъ земель вовсе не собиралось, а переписью 1900 года зарегистрировано количество этихъ земель, но не собраны данныя о формахъ пользованія и распоряженія общинной земель, такъ что сравненіе данныхъ двухъ переписей становится совершенно невозможнымъ и „въ концѣ-концовъ, — говоритъ авторъ, — неизвѣстно даже, сохранилась ли въ Полтавской губерніи та форма пользованія общественными землями, которая именуется общиной“...

При такихъ условіяхъ чрезвычайно трудно, конечно, дать точную картину землевладѣнія: не только абсолютныя величины, но и относительныя невольно возбуждаютъ основательныя сомнѣнія. Для рѣшенія важнаго вопроса о распространенности мелкаго, средняго и крупнаго землевладѣнія автору поневолѣ пришлось опираться на такой нестатистическій и сомнительный матеріалъ, какъ данныя земскихъ окладныхъ книгъ. Несомнѣнно, что съ такимъ матеріаломъ трудно было бы проникнуть въ глубь изучаемыхъ явленій и показать истинную „структуру“ и взаимоотношенія различныхъ элементовъ земледѣльской массы. Можно было лишь дать внѣшнюю характеристику, въ грубыхъ очертаніяхъ, что въ общемъ и выполнено авторомъ съ достаточною добросовѣтностью. Автору, однако, вовсе не слѣдовало бы трактовать форму „общаго владѣнія“, о которой въ его распоряженіи не имѣлось никакихъ статистическихъ данныхъ, и тѣмъ менѣе дѣлать относительно этой формы обобщенія, которыя не могутъ быть обоснованы (стр. 42—43).

Въ третьей главѣ авторъ задается вопросомъ о распредѣленіи собственности внутри мелкаго землевладѣнія, т. е. среди сельскихъ, такъ называемыхъ непривилегированныхъ сословій, которымъ принадлежитъ двѣ трети всей земельной площади губерніи. Съ самаго начала авторъ чувствуетъ себя вынужденнымъ значительно ограничить свою задачу. При рѣшеніи вопроса ему, конечно, приходится опираться уже не на данныя окладныхъ книгъ или какіе-либо посторонніе источники, а всецѣло на матеріалы земскихъ переписей. Недостатки матеріала даютъ себя чувствовать и здѣсь въ достаточно сильной степени. Переписи даютъ возможность характеризовать хозяйства только по владѣнію однимъ, хотя и самымъ важнымъ въ данныхъ условіяхъ, угодьемъ — пахотной землей. Къ сравненіямъ матеріаловъ переписей 80-хъ годовъ съ матеріалами переписи 1900 года авторъ прибѣгаетъ только вскользь и вообще неохотно, по всей вѣроятности, въ виду малой сравнимости этихъ данныхъ. За отсутствіемъ детальныхъ данныхъ о всѣхъ остальныхъ угодьяхъ, имѣющихъ, однако, существенное значеніе въ строѣ крестьянскаго и казачьяго хозяйства и составляющихъ свыше одной пятой (22⁰/₁₀) всей земельной площади, находящейся во владѣніи „непривилегированныхъ“ сословій, картина соціального разслоенія деревни, разумѣется, не можетъ быть полна и не

можетъ не быть нѣсколько одностороння; въ частности, о значеніи сельскаго „пролетаріата“ въ общей массѣ населенія мы узнаемъ очень мало, а по вопросу о его нарастаніи или убываніи—ровно ничего¹⁾; вообще недостатки матеріала не даютъ возможности освѣтить коренной вопросъ—о тенденціяхъ развитія различныхъ хозяйственныхъ группъ за послѣднія 15 лѣтъ. Сдѣланная авторомъ попытка воспользоваться съ этой цѣлью матеріалами Румянцевской переписи 1767 года и официальными данными изъ „дѣлъ“ о надѣленіи крестьянъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости не можетъ быть названа особенно удачной и отвѣчающей правильнымъ приемамъ статистической методологіи.

Глава четвертая трактуетъ вопросъ о мобилизаціи земельной собственности за 36-ти-лѣтній періодъ (1863—1898 г.г.). Періодъ этотъ выбранъ авторомъ потому, что основнымъ матеріаломъ служить для него изданіе Департамента Окладныхъ Сборовъ: „Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“. Въ соответствии съ матеріаломъ, подъ мобилизаціей понимается только переходъ земельной собственности по нотаріальнымъ сдѣлкамъ купли-продажи. Эта глава разработана авторомъ лучше всего. Съ одной стороны, сравнительная полнота массоваго матеріала, съ другой—то обстоятельство, что г. Рклицкому уже раньше приходилось заниматься вопросомъ о мобилизаціи земельной собственности при составленіи Статистическаго ежегодника Полтавской губерніи за 1904 годъ,—дали ему возможность уловить и представить основныя черты происходящаго процесса, поскольку онѣ нашли себѣ выраженіе во внѣшнихъ и бросающихся въ глаза фактахъ.

Эти факты могутъ быть вкратцѣ выражены слѣдующимъ образомъ. Въ теченіе всего 36-ти-лѣтняго періода главными поставщиками земли на рынокъ являются дворяне, при чемъ процессъ мобилизаціи ведетъ къ значительной абсолютной потерѣ ими земельной собственности; наоборотъ, земельный фондъ всѣхъ остальныхъ сословій увеличивается; съ особенной энергіей начинаютъ увеличивать свой земельный фондъ казаки, а за ними крестьяне, съ 80-хъ годовъ XIX вѣка. Роль довольно сильнаго покупателя на земельномъ рынкѣ, которую въ теченіе многихъ лѣтъ продолжало играть дворянство, отпадаетъ отъ него съ начала 90-хъ годовъ.

Все это—довольно извѣстные факты; но точное ихъ констатированіе для Полтавской губерніи, отличающейся интенсивной мобилизаціей и находящейся въ нѣсколько особенныхъ условіяхъ, благодаря развитію личной и подворной собственности, создающей значительную свободу мѣноваго оборота, можетъ быть, несомнѣнно, поставлено автору въ заслугу.

Въ этихъ условіяхъ свободной мобилизаціи было бы чрезвычайно интересно глубже прослѣдить этотъ процессъ и изслѣдовать, въ какую сторону эволюционируетъ мобилизаціонный фондъ, какимъ социальнымъ группамъ онъ служитъ и какъ ими используется. Авторъ сознаетъ это и

1) Ср. стр. 119—120 разбираемаго сочиненія.

ставить себѣ подобную задачу, правда, не вполне ясно имѣ формулированную. Единственнымъ матеріаломъ въ данномъ случаѣ могутъ служить земскія подворныя переписи. Однако, полтавскія переписи, дающія лишь классификацію хозяйствъ по одному угодию, полевой пахотной землѣ, могутъ дать матеріалъ только для поверхностной характеристики происходящаго процесса. Дѣло усложняется еще тѣмъ, что переписи 80-хъ годовъ даютъ лишь свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ, принадлежащихъ къ каждой группѣ, площадь же земли, которой владѣетъ каждая группа, какъ это ни удивительно, не показана. Такимъ образомъ, оказывается невозможнымъ констатировать измѣненія, происходящія въ землевладѣніи различныхъ общественныхъ группъ деревни, т. е. дать отвѣтъ на основной вопросъ. Остается заняться счетомъ хозяйствъ, что авторъ и дѣлаетъ, мало, впрочемъ, обогащая наши познанія.

Что же касается роли сельскаго „пролетаріата“, т. е. хозяйствъ безземельныхъ и „усадебниковъ“, въ качествѣ покупателей земли, то она остается совершенно темной, и авторъ правъ, говоря: „Какъ ни важно и интересно было бы выяснитъ детально вопросъ о судьбѣ деревенскаго безземельнаго населенія и эволюціи въ этомъ отношеніи деревни,—осторожность требуетъ воздержаться отъ этого. Дѣло въ томъ, что... регистрація этихъ хозяйствъ велась въ обѣ переписи не вездѣ одинаково, такъ что считать основную единицу изслѣдованія обѣихъ переписей совершенно тождественной нельзя“ (стр. 119).

То же самое относится и къ хозяйствамъ усадебниковъ (стр. 121).

Такимъ образомъ, авторъ въ общемъ не покидаетъ критической точки зрѣнія и относится къ своему матеріалу съ надлежащею „осторожностью“, диктуемой ему требованіями статистическаго метода. Иногда, однако, онъ соскальзываетъ съ этой единственно прочной основы. Признавая самъ (стр. 129), что вопросъ о передвиженіи земельной собственности среди группъ мелкаго землевладѣнія остался открытымъ, онъ, нѣсколькими строками ниже, утверждаетъ, что покупателями земли выступаютъ только хозяйства, имѣющія 9 и болѣе десятинъ пахотной земли и что „хозяева, обладающіе меньшимъ количествомъ (пахотной) земли не могутъ уже расширять площади своей земли путемъ покупки, а потому... они быстро наполняютъ низы... деревни“.

Правильно это утвержденіе по существу или нѣтъ,—другой вопросъ, но оно во всякомъ случаѣ не доказано и не могло быть доказано на основаніи матеріаловъ, которые были въ распоряженіи автора.

Слѣдуетъ отмѣтить одно интересное обобщеніе, которое дѣлаетъ авторъ въ этой главѣ. Путемъ цѣлаго ряда сопоставленій статистическихъ данныхъ онъ приходитъ къ выводу, что мобилизація усиливается подъ вліяніемъ повышения доходности сельскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, самъ авторъ не совсѣмъ твердъ въ своемъ выводѣ и, напримѣръ, то, что онъ утверждаетъ на стр. 98, находится въ прямомъ противорѣчій съ нимъ.

Интересенъ также подмѣченный авторомъ фактъ устойчивости дворянскаго землевладѣнія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ авторъ пытается разрѣшить вторую изъ поставленныхъ имъ себѣ задачъ—отвѣтить на вопросъ о томъ, въ какой степени земля, при существующемъ ея распредѣленіи, обезпечиваетъ (существованіе) земледѣльца.

Поставивъ такой широкій вопросъ, авторъ принужденъ немедленно перейти къ различнымъ оговоркамъ и значительно сузить свою задачу, ограничивъ ее отвѣтомъ на вопросъ, насколько пахотная земля можетъ обезпечивать населенію, при обычной урожайности, удовлетвореніе его потребности въ хлѣбѣ.

Этой задачѣ авторъ придаетъ едва ли не центральное значеніе въ своемъ трудѣ. Нельзя сказать однако, чтобы автору удалось, особенно успѣшно справиться съ нею. Посвятивъ разсмотрѣнію вопроса всего $4\frac{1}{3}$ странички и произведя рядъ упрощенныхъ схематическихъ операций съ понятіями: средній урожай, среднее число десятинъ посѣва, средній составъ семьи, средній составъ скота, среднее потребленіе и т. д.,—онъ рѣшается однако притти къ опредѣленнымъ выводамъ, вычисляеть абсолютное количество хозяйствъ, не обезпеченныхъ хлѣбомъ, по каждому уѣзду и иллюстрируетъ свои выводы двумя картограммами. Въ этой заключительной главѣ отмѣченное выше довольно строгое критическое отношеніе къ матеріалу и осторожность въ обобщеніяхъ какъ будто совсѣмъ покидаетъ автора.

Въ заключительномъ выводѣ г. Рклицкій довольно оптимистично смотритъ на результаты измѣненій въ крестьянскомъ хозяйствѣ за послѣдніе годы: „Уменьшеніе земельной собственности (вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду уменьшеніе среднихъ размѣровъ хозяйства) не должно было отразиться на степени, по крайней мѣрѣ, продовольственнаго обезпеченія хозяйствъ. Масса деревенскихъ собственниковъ за это время стала бѣднѣе землею, но не должна была стать бѣднѣе хлѣбомъ. Минусъ въ хозяйственныхъ ресурсахъ населенія, если и получился, то получился не вслѣдствіе дробленія земельной собственности, а отъ того сильнаго сокращенія аренднаго фонда, который имѣлъ мѣсто за это время“.

Къ сожалѣнію, объ этомъ чрезвычайно важномъ хозяйственномъ факторѣ мы слышимъ отъ автора только въ заключительныхъ строкахъ. Ни о величинѣ, ни о распредѣленіи, ни объ измѣненіи аренднаго фонда не было сказано ни слова. Между тѣмъ автору слѣдовало учесть этотъ факторъ, и во всякомъ случаѣ было необходимо это сдѣлать, разъ онъ поставилъ одной изъ своихъ задачъ вопросъ о степени обезпеченности населенія землей.

Со стороны формы изложенія книжка г. Рклицкаго достаточно разнообразна. Есть страницы, изложенныя вполне удовлетворительнымъ языкомъ, обличающимъ въ авторѣ способность довольно ясно формулировать свои мысли и облекать ихъ въ удобопонятную и литературную форму.

На другихъ страницахъ мы встрѣчаемся съ туманнымъ, запутаннымъ изложеніемъ, ненужными повтореніями, неудачными оборотами и еще менѣе удачными выраженіями, въ родѣ: „абсолютное питаніе“ (стр. 137), „дѣйствительная, а не теоретическая необходимость приобрѣтати хлѣбъ“ (стр. 134), „наиболѣе“ (стр. 109), „субъективная потребность въ укрѣпленіи и расширеніи своей хозяйственной дѣятельности“ (стр. 95), „отсюда посѣвная площадь дала“ (стр. 92), „представляется полнымъ своего значенія“ (стр. 79), „больше, чѣмъ втрое, меньше“ (стр. 62) и т. п.

Повидимому, причина недостатковъ литературной формы лежитъ въ томъ, что авторъ не придаетъ значенія этой сторонѣ дѣла, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Съ внѣшней стороны книжка издана довольно небрежно, съ пропусками, опечатками и неудобной пагинаціей, приспособленной къ „Ежегоднику“, а не къ отдѣльному изданію.

Нѣсколько картограммъ, кромѣ 12-й и 13-й, и таблицъ, содержащихъ детальныя данныя, служатъ полезнымъ дополненіемъ къ изложенію.

Принимая во вниманіе: 1) что избранная тема соотвѣтствуетъ „Положенію о преміяхъ“ и имѣетъ серьезный научный и общественный интересъ;

2) что авторомъ потраченъ значительный трудъ на разработку обширнаго сырого матеріала, касающагося вопросовъ землевладѣнія въ Полтавской губерніи, при чемъ матеріалъ этотъ исчерпанъ съ достаточной полнотой;

3) что указанія автора на недостатки организаціи статистическихъ работъ въ Полтавской губерніи могутъ служить полезнымъ практическимъ подспорьемъ для болѣе правильной и цѣлесообразной постановки подобныхъ работъ въ будущемъ;

4) что сочиненіе г. Рклицкаго является единственнымъ изъ представленныхъ на конкурсъ удовлетворяющимъ формальнымъ требованіямъ конкурса,—

я полагаю бы возможнымъ присудить г. Рклицкому вторую премію въ память 25-ти-лѣтія царствованія Императора Александра II, въ размѣрѣ 500 рублей.

